

ГЕНДЕР В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Д. А. АЛИМОВА

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ГЕНДЕРНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ИСТОРИОГРАФИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ТРЕХ ЭПОХ (КОЛОНИАЛЬНОЙ, СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ)?

В статье рассматриваются социально-политические и культурные условия, влиявшие на формирование научной литературы о женщинах региона. Автор анализирует особенности историографии трех эпох (колониальной, советской и современной) в контексте господствовавших идеологий.

Ключевые слова: историография Центральной Азии; образы женщин в научной литературе; гендерная идеология.

Своеобразие истории Центральной Азии заключается в столкновении и взаимопроникновении европейской (в данном случае русской и азиатской) культурно-цивилизационных систем. Большим испытанием для традиционных обществ Центральной Азии было вторжение новых технологий, а в советский период — форсированная индустриализация, полный передел системы хозяйствования, активные и все ускоряющиеся процессы урбанизации. Все это напрямую было связано с изменением политических систем, каждая из которых влияла на отмеченные процессы и внедряла свою идеологию, закреплённую законодательно-правовой базой. Все это необходимо учитывать, говоря о положении женщин и гендерных проблемах, включая историографию данного вопроса, так как она была зависима от главенствующих форм правления и идеологий.

Женский образ в «колониальной» литературе

Колониальная историография Центральной Азии была далека от гендерных конструкций. Речь шла лишь о слабых попытках анализа положения женщин. Тем не менее, мы должны быть благодарны пер-

вым европейским востоковедам, собравшим сведения об особенностях быта и положения мусульманок Центральной Азии, их сознании, культуре и поведении. С этого времени представления в европейских странах о женщинах этого региона и в целом о народах, населявших его, складывались на основе описаний очевидцев. Эти сведения носили этнографический характер. Работы Н. Ф. Петровского, Е. К. Мейендорфа, Н. С. Лыкошина, Н. Гаврилова, С. С. Вулфсона и др. формировали образ мусульманской женщины. Труды А. А. Диваева, Г. Андреева, М. Фёдоровского, И. Краузе и др. рисовали неосведомленному европейскому читателю картины свадебной обрядности и представления о женском идеале и женском поведении¹.

Особо следует отметить знаменитый труд Армения Вамбери «Очерки Средней Азии», обративший особое внимание на различие образа жизни деревенских и городских, замужних и незамужних женщин. Известная работа супругов Наливкиных «Очерки быта женщин оседлого туземного населения Ферганской области»² была первым специальным исследованием жизни женщин Ферганы, и именно здесь впервые было проведено сравнение положения женщин и мужчин. Пусть это касалось семейной обрядности и домашней деятельности, но, возможно, сами не осознавая этого, авторы показали степень гендерного неравенства в мусульманском обществе. Владея местным языком, они сумели проникнуть в дома сельчан и благодаря чрезвычайной симпатии к коренным представительницам населения Ферганы добиться их расположения и получить информацию. Недаром в 1886 г. сразу после выхода книги Русское географическое общество наградило ее авторов большой золотой медалью, а А. Вамбери в своей рецензии назвал ее самой лучшей книгой о жизни женщин Востока.

Оценивая степень объективности европейских и, в частности, российских исследователей, следует учитывать, что они исходили в своих оценках из привычного им образа женщины. А он несравним с образом мусульманской женщины, вся жизнь которой была ограничена как физической (паранджа, ичкари), так и духовной закрепощенностью. Тем не менее, эти авторы не могли не замечать последствий

¹ Диваев. 1885. Вып. IV; Гаврилов. 1911. № 150, 1911. № 152; Андреев. 1911. № 15, 1911. № 18, 1911. № 21; Жебровский. 1898. № 84; Федоровский. 1911. № 51; Краузе. 1871. № 47; Очев. 1897. № 2.

² Наливкин, Наливкина. 1886.

русской миграции. Проникновение иной культуры сыграло важную роль в трансформации исламского образа жизни коренного населения, начался процесс, ставший уже в советское время основной тенденцией, — процесс европеизации, коснувшейся больше всего женщин.

Представители национально-прогрессивного движения «джадидизм», осознавая неравноправие мусульманской женщины, предусматривали в своей концепции переустройства общества и решение женских проблем. Это не было официально зафиксировано, однако есть документы и воспоминания, которые свидетельствуют о том, что джадидская организация «Шурои-Исломия» первой поставила вопрос об участии мусульманской женщины в выборах в органы власти. Известные участники движения М. Бехбудий, А. Фитрат, А. Авлоний, А. Чулпан и др. исходили из того, что интеллектуальный уровень общества во многом зависит от того, в каком положении находится женщина. Они считали, что трансформацию общества нужно начинать с реформ в духовно-культурной и бытовой сферах, что включало в себя и изменение взглядов на место и роль женщины в жизни мусульманина³. Их отношение к женскому вопросу можно выразить так: женщине нужны знания не меньше, чем мужчине. От этого зависит, каким будет новое поколение. Женщина достойна уважения, равноправие заключается в правильном разделении обязанностей в доме: муж — добытчик, жена — исполнитель домашних дел, воспитание детей — общее дело. При всей своей продвинутой и увлеченной культурой Запада они были далеки от того, чтобы выстраивать гендерные конструкции. Равноправие они рассматривали в узких рамках мусульманских форм семейного развития и даже не ставили вопроса о снятии паранджи (покрывала).

Даже А. Фитрат, написавший немало критических статей о мусульманском обществе Бухары и считавшийся самым продвинутым среди джадидов (его книга «Оила, ёки оила бошқариш тартиблари» [«Семья и способы ее управления»] была своего рода революцией в сознании мусульманского населения), ограничивался семейной эмансипацией женщины. Однако А. Фитрат взял на себя смелость утверждать, что хадисы советуют брачующимся видеть и знакомиться друг с другом до свадьбы. Главным условием в этом вопросе он считал

³ Бехбудий. 1914. № 48, 49, 50; Фитрат. 1915; Авлоний. 1992.

взаимные чувства: если их нет, то семья будет несчастна. Еще более несчастна, по его мнению, будет та женщина, которую выдают замуж без ее согласия, что было распространено в Туркестане⁴. Таким образом, А. Фитрат пытался поднять статус мусульманской женщины.

М. Бехбудий осмелился впервые в Средней Азии поднять вопросы сексуального воспитания. Учитывая время написания статьи (1914), ясно, что свободно рассуждать на подобные темы мог только очень решительный человек с широким кругозором и высокой степенью культуры⁵.

Однако даже самая прогрессивная часть общества была далека от постановки вопроса о гендерном равноправии: речи об участии женщин в общественном производстве, профессиональной и публичной сферах не было. Тем более поражает воображение выступление на страницах газеты «Садои Туркистон» в 1914 г. Соры Музаффари, которая писала: «Вина в нас самих. У нас есть талант и способности. Сознание и мысль. В нас есть сила, способная управлять не то что домом, но и страной... Кто запретит нам проявлять это?»⁶. Эта женщина (татарского происхождения) оказалась смелее самых прогрессивных мужчин, которые не могли и подумать об участии женщин в управлении. Это объяснимо. Религиозное общество конца XIX – начала XX вв., где тон задавало, в основном, духовенство, имело огромное влияние на население, поэтому резкие перемены могли вызвать неадекватные последствия. Тем не менее позиция джадидов может быть охарактеризована как первый конструктивный шаг на пути вхождения женщин в общество.

Колониальные власти в Туркестане не придавали особого значения выработке женской политики, так как были озабочены проблемами безопасности власти и настороженно держались с духовенством. Основным приоритетом их политики было укрепление экономики Туркестана как сырьевой базы метрополии.

«Женская политика» в советской историографии

Советская власть, в отличие от прежней, придавала особое значение раскрепощению мусульманок, что было одним из главных ас-

⁴ *Фитрат*. Указ. соч. 25–26-бетлар.

⁵ *Бехбудий*. 1914. № 12; *Он же*. 1917. 7 ноябрь; *Он же*. 1914. № 23 и др.

⁶ *Садои Туркистон*. 1914. № 36.

пектов ее внутренней и внешней политики. Во-первых, женская часть населения рассматривалась как трудовые ресурсы, столь необходимые для развития народного хозяйства, и что очень важно — как дешевая рабочая сила. Все это подкреплялось идеологией равенства, которая показывала бы всему миру «уникальность» коммунистического опыта в достижении гендерного равноправия. Советская власть преуспела, построив свою конструкцию внедрения восточной женщины в общество, закрепив это обширной законодательной базой. Но термин «гендер», так широко практикующийся на Западе, здесь не был востребован, более того, к нему относились с некоторой опаской, как к измышлению буржуазного общества. В Союзе речь шла об уравнивании юридических прав женщин и мужчин, основной целью было доказать способность женщин быть наравне с мужчиной в производственных достижениях. Причем совершенно не учитывались биофункциональные возможности женского пола.

Анализируя историографию этого периода, постараемся ответить на вопрос о женском образе в исторических конструкциях того времени. Известно, что героини самых крупных исторических трудов по колониальной истории и истории советского периода — это, в основном, апологеты марксистско-ленинской теории и борцы с царскими властями, большевики, установившие советскую власть в Туркестане. Так, во втором томе (советский период) первого академического издания «История Узбекистана» (В 2-х т. 1957 г.) В. И. Ленин упоминается более 300 раз. И из 850 фамилий других персон (из них 99% — представители большевиков) всего лишь 87 фамилий женщин. В основном, это ударницы производства и деятели культуры. Во втором томе четырехтомной «Истории Узбекской ССР» (колониальный период) 1968 года издания — тысяча фамилий, из них женщин всего 31. Среди них десять узбечек, в том числе три известные поэтессы XVIII–XIX вв. (Увайси, Нодирабегим, Анбар-отын) и две участницы восстания 1916 года. Это говорит само за себя. Если самое великое событие в истории советского периода — это революция 1917 г., то ясно, что женщины никакого участия в ней не принимали. Впрочем, в нем вообще не принимало участие коренное население, революция была экспортирована большевиками в Центральную Азию.

Поскольку решение проблем народного хозяйства и культуры в регионе во многом зависело от степени эмансипации женщин, прак-

тические работники и первые советские исследователи вели поиск наиболее рациональных методов вовлечения женщин в экономику, общественно-политические и культурные процессы. В 20-е годы XX в. в историографии женского вопроса преобладали позитивные тенденции. Она отражала различные позиции и мнения в выработке форм и методов эмансипации женщин и отличалась критичностью и альтернативностью мнений⁷.

Утверждение командно-бюрократической системы управления страной оказало свое влияние и на женский вопрос. Руководство страны в середине 1930-х гг. провозгласило его решенным, что далеко не соответствовало действительности. Обстановка максимального напряжения сил для «форсированного скачка, обеспечивающего в минимальный срок построение основ социализма», подчинила себе и подходы к решению женского вопроса, деформировав понятие о равноправии женщин. Оно стало рассматриваться не как равенство полов с предоставлением женщинам и особенно матерям дополнительных прав, а прежде всего как равенство женщин с мужчинами в труде, что имело негативные социальные последствия. Все это отразилось в литературе, основной целью которой стала восторженная популяризация трудовых успехов женщин-работниц при игнорировании нерешенных проблем социально-экономического, бытового, психологического характера.

В 1950–60-е гг. накопление определенной документальной базы позволило историкам приступить к изучению этой проблемы, однако в исследованиях упор, в основном, делался на достижения компартии в деле экономической и культурной эмансипации женщин.

1970–80-е годы — период наиболее активного изучения истории решения женского вопроса в республиках Средней Азии. Позитивным было обогащение источниковой базы, выпуск ряда сборников документов. Однако проблема рассматривалась исключительно в позитивном ракурсе, отсутствовал критический анализ негативных моментов в попытках решения женского вопроса, в частности, забвения в 1930-е годы традиционных и национальных особенностей

⁷ *Каспарова*. 1925. № 7. С. 85-92; *Москалев*. 1928; *Фотеев*. 1929. № 1-2. С. 61-72; *Любимова*. 1927. С. 52; *Карпов*. 1929. № 3–4. С. 8.; *Сейфи*. 1926; *Гаврилов*. 1927. № 1. С. 46-54.

развития народов Средней Азии и применения насильственных методов в ходе раскрепощения женщин⁸.

В этот период наметились тенденции реалистического подхода к оценке состояния женского труда и положения женщин в семье и быту, поиска рациональных путей использования женских трудовых ресурсов, но и в этой литературе преобладали фактология, описательность, стремление приукрасить действительность. Многие специфические стороны женского вопроса в регионе оставались без внимания, не освещались такие острые проблемы, как тяжелый низкооплачиваемый труд женщин в хлопководстве, многодетность, неустроенность быта, особенно в сельской местности, неразвитость системы социальной защиты и т.д. Авторы были далеки от критического осмысления этих реальных фактов, а теория неизмеримо далека от практики и не соответствовала ей.

Перестройка 1980-х гг. и начавшиеся процессы демократизации обнажили наиболее уязвимые проблемы, бывшие запретными для обсуждения в предыдущие годы. Главными достоинствами публикаций этого периода являются: критическое осмысление положения женщин; попытка выработки концептуально новых, рациональных методов решения наиболее острых вопросов, касающихся положения женщин. В литературе проявилось понимание необходимости отказа от стереотипов общественного сознания относительно второстепенности женского вопроса, от мнения, что приоритет семейных интересов женщины есть проявление мещанства⁹. Актуальными проблемами стали: трудовая незанятость женщин, освобождение их от «мужских» профессий, облегчение и сокращение женского труда в хлопководстве, улучшение социально-экономических условий жизни, разработка механизма социальной защиты, исследование вопросов о детской смертности, о самоубийствах женщин и др.

⁸ Пальванова. 1962; Шукурова. 1969; Татыбекова. 1969; Набиева. 1975; Лобачев. 1988.

⁹ Раджапова. 1987. С. 18; Якубов. 1987, 19 августа; Мергенбаева. 1988. № 40. Сентябрь; Она же. 1988, 27 января; Волков. 1988. 7 февраля; Махмудова. 1988, 25 февраля; Турдимуратов. 1989, 26 июля; Тухтабаев. 1989. № 8. С. 24-25; Бошбеков. 1989, 8 март; Женщина в современном обществе... 1990. 8 марта; Ташибаева. 1990. С. 111-117.

Таким образом, на протяжении семи десятилетий женский вопрос стоял в центре внимания общественных наук, но оценивался неоднозначно. Отступлений от заданной идеологии не было. Но он рассматривался гораздо шире, чем просто проблема гендера. Больше частью историография не отвечала жизненным реалиям. Исключение составляла литература 1920-х годов и, особенно, так называемого перестроечного периода, связанного с именем Горбачева, когда в республиках Центральной Азии начались процессы роста национального самосознания.

В целом ни один период не может сравниться с советским по количеству литературы о положении женщин. Она исчисляется тысячами изданий. И как бы мы критично не относились к ней, изучая ее, можно смоделировать образ женщин Центральной Азии в XX в. Ее характерной особенностью является сочетание элементов современной урбанизированной, европейской и традиционной восточной культур. Формирование этой модели происходило на фоне и в связи с модернизацией традиционного общества, которое началось в период колонизации и усилилось в постколониальный период.

Этот процесс был обусловлен влиянием политических социально-экономических и культурных изменений на жизнедеятельность «слабой половины», которая по этим же причинам трансформировалась в сильную часть общества, способную вынести все тяготы жизни на своих плечах. С особенной отчетливостью это проявилось на рубеже XX–XXI вв., когда разрушились привычные устои, идеология и в целом государство под названием СССР.

Вопросы гендера в Центральной Азии в условиях независимости

Обретение независимости республиками Средней Азии поставило перед новыми государствами задачу самим решать «женский» вопрос. Основными условиями и предпосылками этого решения стали: новая законодательная база уже с учетом мирового опыта, преодоление осложнившихся противоречий в социальном положении женщин, переход к рыночной экономике и приспособление женской половины, как и мужской, к ее требованиям, усилившийся религиозный фактор, тянущий определенную часть населения к архаичным формам отношения к женщине, создание программ по преодолению насилия над женщинами. Это соответственно потребовало новых

исследовательских программ по женской и гендерной проблематике. Гендерный анализ востребован и необходим для подкрепления теории строительства демократического общества.

С началом XXI в. публикации в сфере истории, экономики, философии и других общественных наук изобилуют женской тематикой, по которой было проведено бесчисленное множество форумов, конференций, круглых столов. Однако слово «гендер» в них выглядит лишним элементом, так как это, в основном, все та же оценка положения женщин без каких-либо сопоставлений с положением мужчины. Создавалось впечатление, что многие не понимают, что гендер — это не женщина и ее проблемы, а проблемы различия полов. Появились в этой области и социологические исследования, которые были весьма актуальны и полезны, хотя одни носили локальный характер, другие касались отдельных сфер. Но самое главное в них — отсутствие собственно гендерного анализа. Изучая литературу 1990-х гг., можно сделать выводы о положении женщин, например в Узбекистане, но нельзя узнать те же показатели, касающиеся мужчин.

Только после принятия Пекинской декларации платформы действий на IV и V Всемирных конференциях женщин в 1995 г. и 2005 г. дело изучения гендера сдвинулось с мертвой точки. Следует отдать должное и международным организациям, фондам, которые фактически «открыли глаза» среднеазиатским исследователям на вопросы изучения гендера, методологию и теорию проблемы: многочисленные тренинги, семинары и конференции, проводимые ими, в частности, UNDP — Программой развития ООН, способствовали консолидации специалистов по данной теме.

В последнее десятилетие в странах Центральной Азии, в частности в Узбекистане, появились исследования, заслуживающие особого внимания. В докладах на проведенных Центром социологических исследований «Ижтимоий фикр», Женским ресурсным центром, Республиканским комитетом женщин при помощи международных организаций, анализировались концептуальные вопросы, методология гендерного анализа, проблемы гендера в контексте образования, профессиональной карьеры, социальной жизни, культуры, семьи¹⁰. Появились статистические сборники по различным аспектам гендера¹¹.

¹⁰ *Тахтаходжаева*. Гендер тенглиги сохасида жамотчилик фикрини шакллантириш // Gender equaliti in Uzbekistan: status and development perspectives.

Следует также отметить монографию «Введение в теорию и практику гендерных отношений», изданную при содействии UNDP и Гендерной программой посольства Швейцарии, в которой даны основные положения гендерной теории, что очень важно для начинающих специалистов, сведения о формах и методах гендерных исследований в области экономики, права, управления и культуры¹². Немаловажно и то, что в числе авторов этой книги и ученые из Узбекистана, что является свидетельством формирования национальной школы гендерных исследований.

Однако в истории и в общественных науках по-прежнему мало женских лиц, практически нет гендерных ретроспективных исследований, что, возможно, связано с трудностью поиска архивных материалов, для проведения сравнительного анализа положения мужчин и женщин. Разработка этой темы очень важна и для настоящего, и для будущего, так как прошлое объясняет очень многое, в частности, статус двух полов и причины его изменения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авлоний А.* Туркий гулистон ёхуд ахлоқ. Тошкент: Ўқитувчи, 1992.
Андреев Гр. За запретной стеной (рассказ из жизни ичкари) // Туркестанские ведомости. 1911. № 15, 1911. № 18, 1911. № 21.
Бехбудий М. Ешларга мурожаат // Ойна. 1914. № 12.
Бехбудий М. Ҳифзи сихати оила // Ойна. 1914. № 48, 49, 50.
Бехбудий М. Бизга ислоҳ керак // Нажот. 1917. 7 ноября.
Бехбудий М. Бизни кемирувчи иллатлар // Ойна. 1914. № 23 и др.
Бошбеков Ш. Женщина в современном обществе // Правда Востока. 1990. 8 марта.
Бошбеков Ш. Икбол тилайман // Совет Узбекистони. 1989, 8 марта.
Введение в теорию и практику гендерных отношений. Ташкент, 2007.
Волков М. Не хочу убивать // Правда. 1988. 7 февраля.
Гаврилов М. Сартовская свадьба // Туркестанские ведомости. 1911. № 150, 1911. № 152.
Гаврилов Н. Ткацкое искусство узбекской женщины // Народное хозяйство Средней Азии. 1927. № 1. С. 46-54.

Conference materials. Tashkent, 2000. P. 79-86; Женщина: ее права и свободы...; *Ҳамраева.* 2002; Республика Узбекистан...; Доклад по целям развития тысячелетия...; *Шакирова.* 2006; Аёллар — жамият маданият таракқиётида...

¹¹ Гендерное равноправие в Узбекистане...

¹² Введение в теорию и практику гендерных отношений...

- Гендерное равноправие в Узбекистане: факты и цифры. 2000–2004 (Статистика). Ташкент, 2005.
- Диваев А. А.* Проводы невесты (обычай сартов города Чимкента) // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. 1885. Вып. IV.
- Жебровский.* Калым // Туркестанские ведомости. 1898. № 84.
- Женщина: ее права и свободы. Ташкент, 2001.
- Карпов Т.* Раскрепощение женщины-туркменки // За партию. 1929. № 3–4. С. 8.
- Каспарова В.* Задача партии в области работы среди женщин восточных народностей // Коммунистка. 1925. № 7. С. 85-92.
- Краузе И.* О косметических средствах, употребляемых туземными женщинами Туркестанского края // Туркестанские ведомости. 1871. № 47.
- Лобачев А. И.* Деятельность профсоюзов республик Средней Азии по утверждению социального равенства женщин в условиях перехода к социализму, минуя капитализм. Ташкент, 1988.
- Любимова С.* О кооперировании женщин восточных народностей // Коммунистка. 1927. С. 52.
- Махмудова Д. В.* В замкнутом круге // Правда Востока. 1988, 25 февраля.
- Мергенбаева Р.* «Драматические женские судьбы» // Правда Востока. 1988, 27 января.
- Мергенбаева Р.* Огоня // Собеседник. 1988. № 40. Сентябрь.
- Москалев В.* Узбечка. М., 1928.
- Набиева Р. А.* Исторический опыт раскрепощения женщин Таджикистана и повышения их роли в строительстве социализма (1917–1937). Душанбе, 1975.
- Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщин туземного оседлого населения Ферганской долины. Казань, 1886.
- О-чев.* Женщина Туркестана по народным пословицам и поговоркам // Этнографическое обозрение. 1897. № 2.
- Пальванова Б. П.* Борьба КПСС за вовлечение женщин Средней Азии в строительство социализма. Ташкент, 1962.
- Раджапова Р. Я.* Исторический опыт «Худжума». Ташкент: Знание, 1987. С. 18
- Садои Туркистон. 1914. № 36.
- Сейфи М.* Женские кустарные промыслы на Советском Востоке. М.: Вопросы труда, 1926.
- Социально-экономические условия жизни сельских женщин Узбекистана // Social and economic conditions of women in rural areas of Uzbekistan). Ташкент, 2001.
- Татыбекова Ж. С.* Исторический опыт раскрепощения женщин Востока и вовлечение их в строительство социализма (На примере Киргизской ССР). Ташкент, 1969.
- Тахтаходжаева М.* Гендер тенглиги сохасида жамотчилик фикрини шакллантириш // Gender equality in Uzbekistan: status and development perspectives. Conference materials. Tashkent, 2000. P. 79-86.

- Ташибаева Т.* К фактам самоожжения женщин в Кашкадарье // Социально-экономические проблемы Узбекистана в условиях перестройки. Ташкент: Фан, 1990. С. 111-117.
- Турдимуратов И.* Как погасить живые факелы // Правда Востока. 1989, 26 июля.
- Тухтабаев Х.* Ота — оила таянчи // Саодат. 1989. № 8. С. 24-25.
- Федоровский М. К.* К вопросу о брачном праве у туземцев // Туркестанские ведомости. 1911. № 51.
- Фитрат А.* Оила ёки оила бошқариш тартиблари. [Баку, 1915]. Тошкент: Маънавият, 1998.
- Фотеев И.* Женский труд в сельском хозяйстве Среднеазиатских республик // За партию. 1929. № 1-2. С. 61-72.
- Ҳамраева Ш.* Ўзбекистонда гендер тенглик ва трафик масалалари. Тошкент, 2002; Республика Узбекистан: достижения, цели, развития, тысячелетия в свете национальной платформы действия по улучшению положения женщин. Ташкент, 2005; Доклад по целям развития тысячелетия. Ташкент: Узбекистан, 2006.
- Шакирова С.* Основы гендерного образования (Тренинг). Ташкент, 2006; Аёллар — жамият маданият тараққиётида // Халқаро семинар материаллари. Тошкент, 2006.
- Шукурова Х. С.* Исторический опыт Коммунистической партии Советского Союза в раскрепощении женщин Советского Востока (1917-1937 гг.). На примере Узбекистана. Ташкент, 1969.
- Якубов А.* Трагедия в кишлаке // Литературная газета. 1987, 19 августа.

Алимова Дилором Аззамовна, д.и.н., профессор, директор Института Истории РАН АН Республики Узбекистан; tarih@uzsky.net.